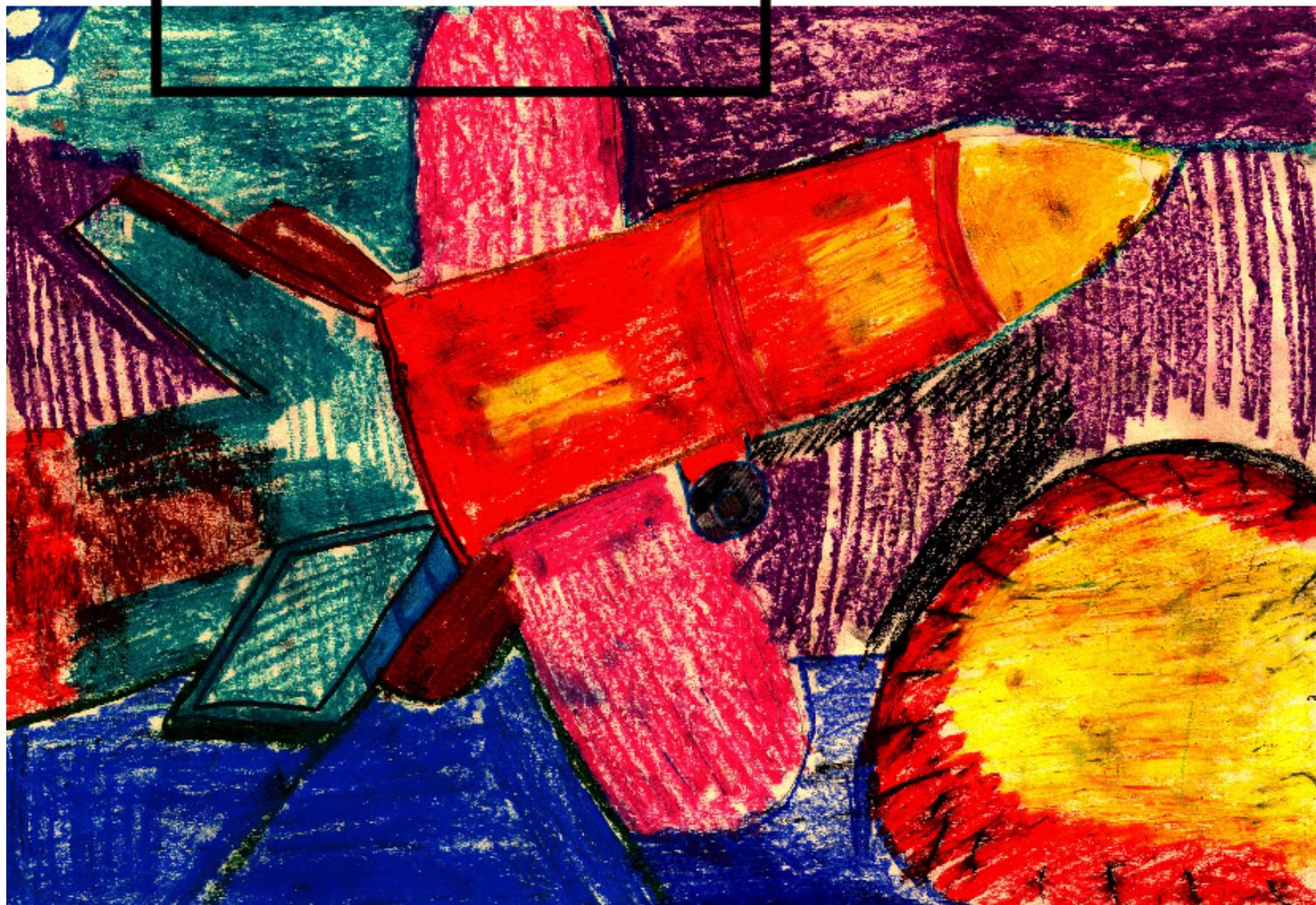

ПОЕХАЛИ!

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Победители конкурса
«Отправь свой рассказ в космос!»

ЛитРес:

Евгения Кротова

Поехали!

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Кретьова Е.

Поехали! / Е. Кретьова — «ЛитРес: Самиздат», 2021

12 апреля 1961 года Юрий Гагарин совершил первый в истории человечества космический полет. В честь 60-летия этого легендарного события госкорпорация «Роскосмос» и группа компаний «ЛитРес» провели конкурс коротких рассказов на космическую тему. Из 918 работ космонавт Иван Вагнер, писатель Сергей Лукьяненко и другие эксперты отобрали десять лучших произведений, которые вошли в сборник. Иллюстрации к сборнику нарисовали студенты фонда «Антон тут рядом». Поддержать фонд 28 октября 2021 года с космодрома Байконур отправился на МКС грузовой корабль «Прогресс МС-18», который доставил печатный экземпляр сборника для космонавтов! В книгу вошли произведения: рассказ Виктории Миско «Будь здесь». Антон мечтал стать астронавтом еще с трех лет и упрямо шел к своей цели. Его мама-художник всегда утверждала, что ничего не знает о космосе. Но так ли это на самом деле? И где в действительности находится он — космос? Герои получают ответы ранним февральским утром, пока будут ждать такси, которое отвезет Антона на космодром. В произведении Вадима Степанова «Единственное место» Алексей Калугин становится одним из участников важного эксперимента, способного изменить жизнь Земли. Находясь на МКС, Калугин контролирует работу ускорителя — устройства, где вырабатывается энергия вакуума, которая может стать ценным бесплатным ресурсом для всего человечества. Но в процессе эксперимента ускоритель превращается в черную дыру. И через пятьдесят лет она поглотит Землю... А в истории Маргариты Гусевой «Пять солов» патрульный первого ранга Алекс получает странное задание. Ему нужно сопроводить с Марса в тюрьму на Землю некоего Рина. Загвоздка в том, что Алексу строго-настроено запрещено общаться с преступником. Но песчаная буря путает все карты. И Алекс невольно узнает о том, что навсегда меняет его жизнь всего за пять марсианских дней — солов... Эти и другие истории ждут вас в сборнике «Поехали!».

© Кротова Е., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

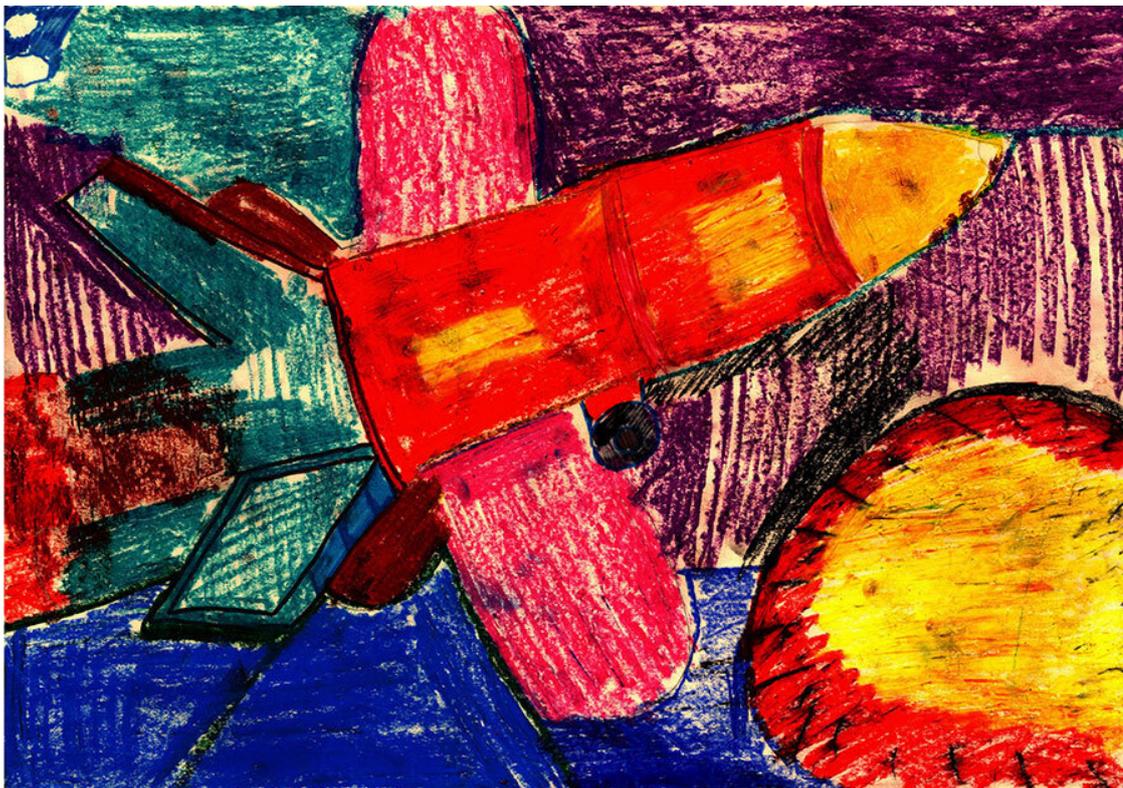
Содержание

Вадим Степанов. Единственное место	6
Антон Конышев. Кошки-мышки	12
Майя Полумиско. Новая Земля с порядковым номером	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Поехали!

Сборник лучших рассказов конкурса «Отправь свой рассказ в космос!»

Вадим Степанов. Единственное место

«Дорогой папа, мы с мамой очень гордимся тобой. Пожалуйста, возвращайся скорее. Твои Катя и мама».

Калугин с улыбкой отложил карточку, на обратной стороне которой его жена Оля держит на руках маленькую белокурую девочку. Он уже год не видел семьи. Дочь подросла и даже, пусть и не без помощи мамы, написала небольшое письмо на обороте фотографии. Где-то там сквозь толстое стекло сверкало огнями родное небо.

Сам Калугин был из Курска – маленького городка на западе России. Он всегда мечтал стать космонавтом, несмотря на то что в его школьные годы это было уже совсем не модно. Но он не хотел быть ни менеджером, ни бизнесменом, ни политиком, о чём грезили одноклассники, а точно знал, что его жизнь свяжется с космосом. Виноваты книжки, тоже не модные, но такие близкие. Хотя жить на страницах Стругацких оказалось гораздо легче, чем очутиться в условиях реального космоса, со всеми перегрузками и правилами, он всё равно считал себя счастливым человеком, как мог бы считать себя любой, чья детская мечта осуществилась.

- Второй.
- Второй на связи.
- Спишь, Калуга? – прервал мысли о доме голос из динамиков.
- Уснёшь с вами, – проворчал Калугин. – Что там, Первый?
- Всё штатно. Видел бы ты, какая толпа собралась в Центре.

– Ясно – толпа, – ответил Калугин, проверяя приборы. – Со всего света профессура.

– Кажется, журналистов больше.

– Предлагаю загрузить их следующим рейсом, – усмехнулся Калугин. – Пусть вместо меня подежурят. Я на это колечко уже смотреть не могу.

– Ничего, Второй. Уже скоро всё закончится. Конец связи.

Калугин знал, что с ним общаются в том числе и для того, чтобы проверить моральное состояние экипажа, который в этом рейсе состоял всего из одного человека. Не всё могут показать приборы и датчики; иногда простой разговор – гораздо лучший индикатор состояния. Он всё это знал и шутил, легко общался, но на душе было беспокойно.

Вот уже месяц, как он остался один с этим новым ускорителем на орбите. Международный проект, огромные деньги, большая ответственность. Калугин вызвался не за премиальные, он просто знал, что лучше других с этим справится. И пусть его роль невелика, но, возможно, она спасёт от гибели большое количество людей. Рухнувшие на Землю обломки никому не нужны. Любая неисправность, которая может привести ускоритель к падению на Землю, немедленно запустит программу его уничтожения. Калугин на независимом аппарате должен контролировать этот процесс и в случае выхода системы из строя примет необходимые для безопасности родной планеты меры. Меры могут быть двух типов: стабилизирующие и иницирующие. Калугин может запустить самоуничтожение ускорителя в ручном режиме или, если это не получится, вытолкнуть ускоритель с орбиты. Впрочем, Калугин больше думал о стабилизации. Никто не захочет так запросто расставаться с уймой денег из-за какой-то поломки. Его будут просить до последнего удерживать ускоритель на орбите. Будут пробовать чинить и, возможно, даже починят. А Калугин будет болтаться в космосе ещё полгода до пересменки.

Год – это очень много, когда ты любишь свою семью. С Олей они познакомились ещё в колледже, куда он перевёлся из школы в другом районе. Родители, пока были живы, всегда с уважением относились к его стремлениям. Они видели тягу сына и решили помочь ему с профильным образованием. Колледж давал льготы при поступлении в Бауманку.

Оля сперва не понравилась Калугину – высокому, плечистому парню, которому не давали прохода девушки. Но предпоследней учебной весной он вдруг оказался с ней в команде по спортивному ориентированию, соревнования по которому регулярно проводились администрацией колледжа. Там, в тени деревьев, он разглядел серьёзную темноволосую одnogруппницу, которая фактически спасла их команду, в кризисный момент взяв руководство на себя, хладнокровно проложив правильный маршрут практически из тупика.

Сначала завязалась дружба и долго-долго длилась. Оля ни в какую не хотела поддаваться обаянию Калугина. Что он только не делал: и приглашал в кино, и провожал домой, и даже стихи читал, правда чужие. Но переломным моментом оказалась одна история с вороной.

– Второй, – услышал он из динамиков.

– Второй на связи.

– Готовность номер один.

– Есть готовность номер один.

Калугин запустил дополнительные экраны, на которых зелёными огоньками запрыгали графики.

– Второй, – снова прозвучало из динамиков.

– Второй на связи.

– Они начинают подготовку и запускают ловушки.

– Всё правильно, Первый.

– Очень уж праздно они себя ведут.

– Гражданские, не обращайтесь внимания.

– Второй, следуй чётким инструкциям и предписаниям нашего ЦП. Сам ничего не выдумывай. Если у них там что-то...

– Первый?

– Калуга, Лёша, не рискуй. Если что – сжигай её к хренам и уматывай. Пусть сами свои кванты раскручивают.

– Александр Дмитриевич, не переживайте.

– Конец связи, Второй.

Легко им там внизу говорить. Сжигай. Он же понимает, что это огромные средства и надежды. Весь мир практически в прямом эфире следит за экспериментом, который может принципиально изменить жизнь на планете. Столкновения этих частиц в ускорителе должны привести к появлению новых знаний в области квантовой физики. Все СМИ последние несколько недель только и трещали об этом: энергия вакуума, бесплатный ресурс для всего человечества. Не верилось Калугину ни во что бесплатное. За всё приходится платить так или иначе.

На девятом месяце врачи сказали, что дело плохо. Нет никакой возможности сохранить плод. Оля всё время плакала, Калугин всё время молчал. Они уже знали, что должна быть девочка. Он внёс предоплату за коляску и кроватку, супруга купила розовое постельное белье с лошадками. А тут вот...

Калугин объездил все перинатальные центры, привозил врачей, разговаривал с ведущими медицинскими специалистами – все говорили одно и то же: ребёнок не выживет, а если настаивать, то может погибнуть и мать. И сам Алексей скрепя сердце уже согласился с судьбой. Если потерять новорождённую дочь – страшно, то потерять любимую супругу было просто невозможно. Но сама Оля запрещала ему сдаваться. Он видел, что для неё исход, при котором она выходит из роддома одна, смерти подобен. И ему ничего не оставалось, кроме как искать снова и снова варианты, людей. Наконец он нашел старую акушерку в районной больнице, о которой говорили не иначе как о волшебнице.

Калугин не верил в магию, но верил в опыт. К тому же Оле эта морщинистая колдунья очень понравилась. Она не кокетничала, а говорила прямо, что шансы есть, но они очень малы, и что, конечно, риск для матери огромен. Но ещё она сказала: «И не такие рожали – и прекрасно живут, а потом за вторыми приходят». Есть такие врачи, которые уже только словом лечат.

Девочка родилась слабая, но здоровая. А вот Оле пришлось дважды выкарабкиваться из реанимации. Два месяца они втроём жили в больнице, пока наконец не стало понятно, что уже всё хорошо и можно возвращаться домой.

На графике появились рваные полосы. Так мониторы показывали работу ускорителя. Калугин знал, что первые запуски не опасны. Там создаются частицы, которые затем будут впрыснуты в основной круг. И вот тогда необходимо очень внимательно следить за показаниями приборов и датчиков.

– Второй.

– Второй на связи.

– Как там?

– Уныло и однообразно.

– Это замечательно. Судя по профессуре, что-то у них уже получилось. Разливают шампанское.

– Уже? Не рано?

– Да кто их, чудных, поймёт! Похоже, они переживали, что этот ускоритель вообще не работает.

– Хотелось бы такую информацию иметь до полёта.

– И не говори. Буду держать ушки на макушке, может, ещё что проявится.

– Не забывайте делиться.

– Договорились, Второй. Конец связи.

Ужасно раздражало Калугина такое вот отношение к людям. Он практически год безвылазно провёл на орбите, видел, как собирали ускоритель, как его тестировали, общался с руководителями проекта, и даже не по одному разу. Много болтали о будущем, о мире во всём мире, о войнах, которых больше не будет, о бедности, которую искоренят. Обменивались контактами, хвалились семейными фотографиями. Почему-то никто и никогда не говорил Калугину, что ускоритель может не сработать. Ведь он болтался на орбите именно потому, что этот проект можно таким образом быстрее завершить. Без подготовки новых кадров, без привлечения дополнительных людей миссия должна проходить быстрее. Он жертвовал своим временем, которое мог бы провести с семьёй.

Два года они ютились в маленькой квартирке – служебное жильё. Там было тесно, но очень уютно. Оля боролась с цветами, которые на холодных подоконниках совсем не хотели расти, Калугин воевал со щелями в окнах и дверях. Катя первый год боролась с гравитацией, потом с острыми углами и, наконец, со сложными словами. Хорошо, что в любом языке есть несколько очень простых слов: «мама», «папа», «киса».

Потом они купили дом, который стал для них настоящим раем. Может, потому, что там всегда было тепло, а может, потому, что это было их место. Сложно объяснить это ощущение – «твое место». Оно внезапно наступает вдруг, когда ты только попадёшь в пространство. Там хорошо, оттуда не хочется уходить.

Внезапно в молодых людях проснулась страсть к садово-ландшафтным решениям. Калугин выкопал по периметру ручей, который Ольга оформила цветами, сделали лужайку, где могла играть Катя, пристроили беседку, куда вечерами уходили пить чай и болтать о разной чепухе, когда дочь засыпала. Дом стал тем единственным местом во всей вселенной, где всегда хорошо.

– Второй.

– Второй на связи.

– Сообщите показания приборов.

Калугин услышал серьёзный тон и быстро сфокусировался на экранах.

– Датчик магнитного поля как будто барахлит.

– Второй, точнее.

– Датчик магнитного поля вышел из строя. Показывает нечитаемые символы.

– Что значит «нечитаемые»?

– Абракадабра какая-то, Александр Дмитриевич. Не могу точнее.

– Ясно. Что показывает визуальный осмотр?

– Всё по-прежнему. В чём дело, Первый?

– Пока не ясно. Конец связи, Второй.

Калугин внимательнее пригляделся к ускорителю. В иллюминатор была видна только его небольшая часть. Но на изображениях с камер, которые тоже транслировались на экраны космического аппарата, разглядеть его можно полностью. Ускоритель – огромное сооружение в виде гигантского серебристого кольца – многокилометровой змеёй, подобно уроборосу, олицетворяющему вечность, оно замыкалось ровным кругом. Что же там могло такое произойти?

– Второй.

– Второй на связи.

– Плохая новость. Эксперимент прошёл в штатном режиме, но в результате образовалась антиматерия... Что? Чёрт, Второй, меня слышно?

– Вас слышу, Первый. Что это значит? Каковы мои действия?

– Второй, Лёша. Сжигай её к чертям... Это инструкция... он должен...

– Первый! Первый!

В эфире повисла тишина. Калугин слышал, что Александр Дмитриевич, руководитель их группы и координатор, с кем-то ругается. Он даже мог понять причину. Одни люди боятся

за деньги, другие – за свой успех, Александр Дмитриевич всегда переживал только за людей. Калугин видел, как однажды он всерьёз разбил лицо одному блатному конструктору, который протащил в проект своё новаторское кресло. Ребята несколько недель провели в этих пыточных ложах без возможности сменить позу, после чего закономерно приобрели сложности со здоровьем при возвращении.

Снова зашипели динамики.

– Второй, – услышал Калугин чужой голос.

– Второй на связи.

– Меня зовут Игорь Иванович Плетнёв. Координацию полётом поручили мне.

– А где Шахов? – спросил Калугин про Александра Дмитриевича.

– Временно отстранён. Это сейчас неважно. Важно, что в ваших руках сейчас находится судьба всей планеты. Вы слышите?

– Да, Пер... Игорь Иванович.

– Вам необходимо срочно отвести ускоритель на максимальное расстояние от орбиты.

Расчёты уже ведутся, и скоро их вам перешлют.

– А что произошло? Внешне никаких поломок не наблюдается.

– Я не уверен, что могу всё сообщить, но, учитывая ваше положение... В общем, в результате столкновения частиц в коллайдере образовалось антивещество, которое должно было разрушиться. Но что-то пошло не по плану, и вместо этого оно начало поглощать материю и увеличиваться. Пока ещё оно крайне незначительных размеров и удерживается магнитными ловушками, но будет расти.

– Насколько больше оно станет?

– Если это то, о чём мы думаем, а мы думаем про холодный ядерный синтез, то оно остановится только в абсолютной изоляции. Поэтому нельзя, чтобы оно оставалось на орбите, ведь в первую очередь оно поглотит ускоритель и, став больше, притянется к Земле. Единственная возможность спасти планету – отвести ускоритель как можно дальше от орбиты.

– Но оно же всё равно будет расти. И вращаться не перестанет. Орбита просто вытянется, но рано или поздно эта штука снова приблизится к Земле.

– Второй, мы думали над этой проблемой и как раз сейчас заканчиваем расчёты, чтобы увеличить период вращения до пятидесяти лет. За это время человечество наверняка найдёт решение.

– То есть вы хотите фактически посадить на орбиту Земли чёрную дыру, оставив это на откуп потомкам?

– Второй, мы здесь тоже все на эмоциях, но надо искать приемлемые варианты. Уничтожить мы её не можем, это только усилит реакцию вещества, дать необходимое количество массы и энергии для схлопывания реакции – тоже, разве что на Солнце отправим. Но у вас не хватит топлива для возвращения домой. Остаётся только один вариант, и мы его озвучили. Второй?

– Меня зовут Алексей.

Вдруг вспомнилось, как они с дочерью ходили в краеведческий музей. Оля тогда притащила всех к древним ископаемым, и дочь, которой уже исполнилось пять лет, изнывала от скуки, развлекая себя мелкими шалостями: постукивала по защитным стёклам и совершала партизанские вылазки за ограждающие верёвочки. Экскурсовода – пыльную женщину в летах – это ужасно злило, и она то и дело делала младшей Калугиной замечания: «девочка, не заходи туда», «девочка, не трогай это», «девочка, не бегай в музей». В конце концов дочь не выдержала и разразилась гневным: «Я не девочка. Я Катя. Слышите? Меня зовут Катя. Не девочка». Это так восхитило родителей, что те даже смягчить ситуацию не успели, так что пришлось спешно ретироваться из музея.

Пятьдесят лет. Это значит, Кате будет пятьдесят шесть. По современным меркам – самая зрелость. И вот ей ещё нет и шестидесяти, а она узнаёт, что к Земле приближается чёрная дыра, которая за это время набрала силы от космического мусора, астероидов и комет и теперь со всей мощью обрушится на планету. И это он – её отец – запустил часовой механизм смертоносной для человечества бомбы.

– Второй, Алексей. У нас совсем нет времени. Расчёты должны уже прийти к вам.

– Пришлите мне другие расчёты. Я отправлю эту штуку на Солнце, раз уж это единственное место, в котором можно её уничтожить. Это ведь должно помочь?

– Да, но вы не сможете вернуться. Даже если вы воспользуетесь ускорением орбиты и сожжёте всё топливо, вам едва хватит ресурсов, чтобы попасть в зону притяжения Солнца.

– Значит, так.

– Вы смелый человек, Алексей. Вас будут помнить...

– Готовьте расчёты. А мне ещё надо записать обращение к жене и дочери.

– Вы можете с ними связаться напрямую.

– Я не хочу. Это будет слишком.

– Как хотите. Мы, безусловно, передадим запись в самое короткое время.

– Хорошо. А пока дайте мне немного времени. Конец связи.

В очередной раз он провожал Олю домой. Они мило болтали ни о чём, как вдруг услышали жуткий крик, почти человеческий, хриплый, панический. Калугин никогда не думал, что вороны могут так кричать. Какие-то подростки – уже не дети – резвились с воздушшкой, подстреливая из тирного ружья мелких птиц. Очевидно, им попалась ворона. Несчастной птице подбили крыло, и от падения она сломала лапу. Теперь же шпанята веселились, всаживая по очереди в калеку по новой металлической пульке.

Калугин видел, как побелело от гнева лицо его однокурсницы, как непроизвольно сжались её кулаки. Он понял, что Оля сейчас кинется на мелких садистов, не обращая внимания, что численный перевес и масса на их стороне. Что ему оставалось? Калугин отдал свой рюкзак и бросился защищать птицу. В этом бою ему подбили глаз и сломали зуб, но двоих он положил в нокаут, а остальные, трезво оценив свои шансы, решили смыться. Так у них с Олей появилась общая подопечная, которую, конечно, приютила она, но Калугин каждый день навещал.

Наверное, даже если бы не эта ворона, они всё равно бы сошлись, ведь он был влюблён, а она разрешала себя провожать. Но тогда и он сам про себя много понял. Разве же он дрался за птицу? И разве же он спасает планету?

Где-то там внизу стоит дом, где его супруга и дочь находятся в самом безопасном во вселенной месте. И он сделает всё, чтобы оно и впредь оставалось таким.

АНТОН КОНЬШЕВ. КОШКИ-МЫШКИ

– «Караван», говорит «Мангуст-5». Согласно разнарядке нахожусь у сектора номер девятнадцать, правый борт, секция семь. Готов к захвату и стыковке, – доложил Андрей и отки-

нулся в кресле, краем глаза отслеживая показания приборов и изредка бросая взгляд на хорошо видимые на левом обзорном экране две недвижимые пока швартовочные мехруки.

Мимо проплыл Егор, устроился в соседнем кресле, пристегнулся.

– В отпуск хочу, – печально сообщил он.

– Ты два месяца назад в отпуске был, – не отрываясь от монитора, напомнил Андрей.

Егор фыркнул, небрежно махнул рукой.

– Какой же это отпуск? – равнодушно проговорил он. – Две недели. И те на станции. Я на тренажёры до сих пор смотреть не могу. Опять же, привет Кориолису. У меня левое ухо постоянно закладывает. Как поплю, так и закладывает. Хоть не спи вообще.

– Там хоть какое-то подобие силы тяжести, – Андрей пожал плечами, – мы вот с Мишей те две недели в невесомости болтались.

– «Караван» «Мангусту-5». Вас понял. Через две минуты начинаю процедуру швартовки. По окончании приготовьтесь принять грузовой модуль.

Андрей в задумчивости поскрёб левую щёку.

– Миш, ты что думаешь по этому поводу? – спросил он.

Михаил, габаритами здорово напоминавший лесного тёзку, перестал возиться с интерфейсом грузового отсека.

– Про Егорушку нашего думаю, что он нахал, – по-доброму веско пробасил он, – а про грузовой модуль я сам не понял. Платформа что, не нужна?

– Сам ты, Миша, нахал, – несколько не обиделся Егор и добавил, обращаясь уже к Андрею, – а правда, командир, уточнить бы надо. Может, они там на «Караване» перепутали чего?

Корабль мягко качнуло. Раз, другой. Швартовочные мехруки держали «Мангуста» крепко и уверенно.

– «Караван» «Мангусту-5», – голос с чуть заметной хрипотцой показался Андрею знакомым. И манера говорить, слегка растягивая гласные, тоже была знакома, – приготовиться к стыковке с грузовым модулем.

– Ковязин, ты, что ли? – с некоторым сомнением поинтересовался Андрей.

Секунду или две на «Караване» молчали, потом всё тот же голос без особого, впрочем, энтузиазма ответил:

– Ну я. У вас проблемы, «Мангуст»?

– Слушай, Ковязин, – заговорил Андрей и даже чуть подался вперёд, словно стараясь оказаться ближе к невидимому собеседнику. – А это точно наш груз? Просто обычно на внешней платформе крепят или в грузовом отсеке. А тут целый модуль. Я уж и не припомню, когда мы в последний раз...

– Ваш, – односложно ответили с «Каравана».

– Ясно, – сказал Андрей.

– И как вы его в тот раз две недели вытерпели? – с преувеличенным сочувствием покачал головой Егор. – Это же не человек, это сухофрукт какой-то.

– Мучились страшно, – в тон ему ответил Андрей.

Миша угукнул и подхватил:

– Страшно мучились.

– Я, между прочим, всё слышу, – сказали с «Каравана».

Егор демонстративно зажал рот руками и вытаращил глаза, изображая крайнюю степень испуга.

– Начинаю стыковку модуля.

– Миша, принимай, – скомандовал Андрей.

– Принимаю, – отозвался тот, – всё в штатном режиме.

Корабль немного тряхнуло. Зашипело, потом глухо клацнули замки.

– Стыковка прошла успешно, система герметична, – доложил Михаил.
– Ковязин, ты ещё здесь? – спросил Андрей.
– Да.
– Ковязин, что в модуле? В честь чего такой праздник?
– Вся сопроводительная документация передана на бортовой компьютер, – сухо ответили с «Каравана». – Ознакомьтесь и подтвердите готовность к выполнению.

– Сухофрукт, – одними губами прошептал Егор.

Андрей открыл файл с сопроводительной документацией, вчитался. Продовольствие, оборудование, расходные материалы, биоматериалы, выделено красным. Пункт назначения – научно-исследовательская станция «Европа-3». Статус доставки – срочно.

Хм, биоматериалы.

– Слушай, Ковязин, – начал было Андрей, – по старой памяти, так сказать...

– Доложите о готовности.

– Да что ты за человек-то такой! – не выдержал Егор. – Тебя по-человечески просят, а ты!

Ответом его не удостоили.

Андрей вздохнул и отчеканил:

– «Караван», говорит «Мангуст-5». Груз принял, все системы в норме. Готовность к отшвартовке и выполнению задания подтверждаю.

– Начинаю процесс отшвартовки, – прозвучал голос Ковязина, и на долю секунды Андрею показалось, что в этой дежурной короткой фразе он различил нечто большее, чем просто рабочую команду. Не то тень тоски, не то отблеск воспоминания.

Андрей тряхнул головой. Нет, показалось.

– Егор, – скомандовал он, – хватит паясничать, принимай управление.

– Есть, принять управление, командир, – с готовностью подхватил напарник, – запускаю маневровые. Отсчёт пошёл. Три, два...

Швартовочные мехруки мягко разомкнулись и неспешно принялись прижиматься к борту.

– Один, – объявил Егор.

Корабль чуть повело, и он, корректируя курс боковыми ускорителями, начал аккуратно отдаляться от грузовика.

А Андрей всё смотрел в обзорные экраны, где медленно и величественно уходила вверх и влево махина длинномера, похожая сейчас на гигантский железнодорожный состав, собранный местами из матовых, местами непроницаемо чёрных, а местами ослепительно белых даже в скудных лучах далёкого Солнца цистерн.

Угол обзора изменился, и теперь километровый грузовик уже напоминал огромную, парящую в пустоте гусеницу со множеством лапок.

Длинномер, грузовой транспортник серии «Караван», один из двадцати безостановочно курсирующих в пределах Солнечной системы. На данный момент – вершина научно-технической мысли человечества. Корабль, родившийся в космосе, принадлежащий космосу, немислимый вне его.

Это благодаря им, «Караванам», человечество осторожно и с оглядкой, но всё же дотянулось почти до пояса Койпера. И пусть колонии как постоянно действующие и работающие поселения были пока только на Луне и на Марсе, зато станции, по большей части научно-исследовательские, прочно окопались на всех планетах и некоторых спутниках.

Для их снабжения в точках максимально приближённых к пересечениям орбит «Караванов» были построены дрейфующие ремонтно-эксплуатационные базы, силами нескольких, обычно пяти-десяти челноков, обеспечивавшие транспортировку грузов с длинномера до места назначения и обратно.

Андрей отработал на одной из внутренних РЭБ четыре года чистого времени. Пилотировал точно такой же грузовой, а иногда и грузопассажирский корабль. Встречал и провожал «Караваны», мотался между внутренними планетами. Полгода работы в космосе, полгода реабилитации на Земле. С этим всё строго.

А потом попросился в дальнее внеземелье.

Зачем? – спрашивали его. Кто с недоумением, кто с живым интересом, а кто и с откровенным осуждением. Деньги? Да, хорошие, но не сумасшедшие. Слава? Престиж? Но за пределами Земли давно уже работают тысячи. На всех славы не напасёшься.

Андрей обычно не отвечал. Так, пожимал неопределённо плечами. Дескать, как хотите, так и думайте. Да он и не знал, что нужно ответить.

Просто чувствовал потребность быть там, на высоте.

Космос никогда не был для него пустым. Это была не пустота, нет. Это была высота. Говорят, высота привораживает. Высота в миллионы километров привораживала в миллионы раз сильнее.

И всё-таки, подумалось Андрею, они ненормальные. Все они. И те, кто обрекает себя на многие месяцы, а иногда и годы добровольного заточения в замкнутом, насквозь искусственном пространстве колоний и станций. И те, кто носится в безжизненном сумраке на крошечных судёнышках, силясь связать эти островки человечества. И он, Андрей Колотов, и неугомонный балагур Егор, и флегматичный добродушный увалень Михаил, и даже до икоты нудный и до тошноты педантичный Ковязин, и тысячи, тысячи других. Все они мазаны одним миром.

И никуда от этого не денешься, потому что высота привораживает.

А обыватели? Обыватели в космос не летают. Туризм не в счёт.

А ещё он понял, что его опять накрыло. Понял и поморщился, как от несильной, но не отпускающей боли. Это был нехороший знак. Суеверным Андрей не был на Земле, не стал им и за её пределами, но к предчувствиям привык прислушиваться и знал – накатывает обычно накануне какой-нибудь внештатной ситуации. Или, проще говоря, накануне больших неприятностей.

– Ну, почему так-то? – возмутился Егор. – Нет, командир, ты скажи, почему так?

Андрей вздрогнул и очнулся. Рассеянно глянул на фыркающего Егора, спросил:

– Что ещё?

– Да вот, – тот ткнул пальцем куда-то в пространство, – Никифорову и Соломатову опять повезло. Забрали с «Каравана» ремкомплекты для базы и теперь, значит, неспешно пыхтят домой.

– И? – не понял Андрей.

– Что и? Командир, – не унимался напарник, – это же не смена, это же прогулка прям какая-то. Завтра причалят, разгрузятся и на боковую!

– Егор, – Андрей снова поморщился, но теперь скорее по привычке, – хватит, а? Тебе заняться нечем? Ну так иди отдохни, через три часа сменишь меня. Или Мише помоги. Он, в отличие от тебя, делом занят, правда, Миш?

– Точно, – прогудел тот.

– Вот, – сказал Андрей, – видишь?

– И очень интересным делом, – задумчиво продолжил Михаил, – уже минут десять стараюсь понять, почему в модуле падает давление и температура.

Андрей и Егор одновременно развернулись в креслах:

– Что?!

– Покажи, – потребовал Андрей, отстегнувшись и подплывая к панели приборов стыковочного узла.

Михаил показал.

– Причина?

Михаил пожал плечами.

– Не знаю. Зумер не верещит. Пока не верещит, – поправился он, – но там точно что-то неладно.

Андрею показалось, что у него в голове радостно запрыгал на одной ножке кто-то маленький и мерзкий, кривляясь и гнусаво напевая: «Накаркал! Накаркал!»

– Я чего спросить хотел, – встрял Егор, толкаясь рядом, – нам модуль с СЖО пристыковали. А зачем там СЖО? Он же грузовой. Аппаратура там всякая, наверное, продовольствие...

– Биоматериалы, – вспомнил Андрей сопроводилковку и похолодел, – там ценные биоматериалы для станции. Поэтому и статус доставки «срочно», поэтому и система жизнеобеспечения.

– О, – невесело протянул Егор, – ну мы попали. Может, на «Караван» сообщить?

– И что нам это даст? Груз приняли. Ответственность на нас. Миша, предложения есть? Михаил только вздохнул.

– Командир, ну какие предложения? Груз, судя по всему, э... деликатный. Требуется соблюдения определённых условий. Если точнее, температуры, давления и состава атмосферы аналогичных земным. Надо входить в модуль и разбираться на месте. Другого выхода я сейчас не вижу.

– Понятно, – процедил Андрей, потом уточнил, – скафандры?

– Вряд ли, – пожал плечами Михаил, – перепад пока незначительный, а разгерметизация нам не грозит. Тут не в узле дело.

– На базу сообщить? – спросил Егор.

Андрей секунду прикидывал последствия, потом отрицательно покачал головой.

– Нет, попробуем сами.

– А если люк модуля только наружу открывается? – не унимался Егор.

Тут уж Андрей не выдержал.

– А смысл? Кто его там изнутри открывать станет? Контейнеры с оборудованием? Незадекларированный киборг? Фигня неведомая? Всё, хватит. Миша, давай.

Михаил по очереди ослабил фиксаторы, пробормотал что-то под нос и с усилием потянул за рукоять.

Люк, чуть скрипнув уплотнителями, тем не менее плавно и легко отошёл в сторону. Все одновременно подались вперёд и одновременно же облегчённо выдохнули.

– Вот, я же говорил, – довольный собой и техникой напомнил Михаил, – Входим в модуль?

– Входим.

С люком модуля пришлось повозиться. То ли его тоже последний раз открывали далеко не вчера, то ли начинала сказываться разница в давлении двух аппаратов.

Наконец Михаил упёрся ногами в ближний поручень и толкнул себя внутрь, буквально выдавив преграду. Андрей почувствовал, как по ёршику волос пробежал едва уловимый тёплый ветерок. Почти сразу система корабля загудела чуть громче и натужнее, выравнивая давление и корректируя состав атмосферы.

– Что там, Миш? Да говори уже, что там? – Егор ёрзал, силясь разглядеть внутренности «прицепа», но богатырская фигура Михаила занимала почти всё пространство перехода и разглядеть хоть что-то было совершенно невозможно.

– Темно, – голос прозвучал глухо, как будто издали, – темно и прохладно.

– Ясно, вылазь оттуда, – скомандовал Андрей, отлетая назад. В носу неприятно засвербело, и он негромко чихнул.

– Будь здоров, – вежливо пожелал Михаил.

– Да будешь тут, – буркнул Андрей, вытирая глаза тыльной стороной ладони. – Фонарь дай. Посмотрю, что там за биоматериалы такие ценные, что ради них целый модуль с СЖО пригнали.

– Ага, а вдруг там зараза какая? – выпучив глаза, страшным голосом предупредил Егор. Андрей только отмахнулся, как от назойливой мухи. Оттолкнулся рукой от стены и аккуратно ввинтился в пространство перехода.

Внутри модуля действительно было прохладно. Прохладно, темно и очень тесно. Контейнеры разной формы и величины занимали практически всё свободное место, громоздясь друг на друга и создавая видимость отсутствия хаоса только благодаря очень грамотно организованному расположению и креплению.

Андрей медленно провёл лучом фонаря слева направо, вглядываясь и вчитываясь в надписи и условные обозначения. Так, здесь, судя по маркировке, находилось новое оборудование для станции. Чуть правее, собранные в аккуратную пирамиду, расположились контейнеры с продовольствием.

Значение некоторых символов Андрей не помнил, другие вообще видел впервые. На то он и передовой край науки. Понимать надо.

А ещё на нескольких контейнерах предохраняющий материал был как будто помят и надорван. Словно кто-то настойчиво, но безуспешно пытался их вскрыть.

Модуль был значительно меньше корабля и не предназначался для постоянного пребывания человека, а значит, местная СЖО отвечала только за терморегуляцию, давление и газовый состав. Хорошо, накинем для верности фильтры вредных примесей.

И тем не менее что-то в мерном гудении аппаратуры вызывало... Нет, не беспокойство. Скорее, недоумение.

– И как я найду здесь эти драгоценные биоматериалы? – сам себя спросил Андрей и сам же себе ответил: – Никак.

И опять ему почудился этот звук. Андрей прислушался. Недоумённо поднял брови.

Весь его многолетний опыт вкупе с логикой на пару твердили, что такого звука в грузовом модуле быть не может. Не должно быть!

Извернувшись, чтобы не стукаться о торчащие углы, он медленно проплыл дальше в сторону загрузочно-разгрузочного узла, покрутил лучом фонаря и не поверил своим глазам.

В носу снова защекотало, но в этот раз значительно сильнее. Стало труднее дышать.

– Чёрт.

Это был небольшой контейнер. Одна стенка, выполненная из прозрачного пластика со множеством отверстий. Взгляду предстало двадцать – Андрей несколько раз пересчитал – разделённых перегородками отделений, расположенных в два ряда друг над другом. И в каждом отделении лежали и мирно спали кошки. Кошки?

– Командир, – Егор всё-таки не утерпел и сунулся вслед, – ты там где? Ты там живой вообще?

Андрей собрался что-то ответить, но рядом неожиданно всхлипнули.

Ребёнок!

Сердце ударило в грудную клетку так, словно собиралось первым рвануться на помощь.

– Егор! – крикнул он. – Сюда! Быстрее!

Тот оказался рядом в мгновение ока. Окинул пристальным взглядом Андрея, спросил встревоженно и серьёзно:

– Что случилось?

– Там. Помогай, – коротко бросил Андрей и, упёршись руками и ногами, принялся раздвигать баррикады упакованной аппаратуры, силясь как можно скорее освободить пространство там, где только что уловил еле заметное движение.

– О! – ахнул Егор. – А вот и неведомая фигня!

Андрей оттолкнул глупо улыбающегося напарника, сунул голову в образовавшийся проём и обомлел.

На него в упор, не мигая, смотрели два испуганных почти человеческих глаза.

* * *

– Подведём итог, – с трудом выговорил Андрей, изо всех сил стараясь не шмыгать носом каждые две секунды. Он вколол себе уже третью дозу антигистаминного препарата, но помогало пока плохо, – ситуация на борту вполне подходит под определение...

– Хреново и хлопотно, – вставил свои неизменные пять копеек Егор.

Андрей поднял на напарника воспалённые красные глаза, мстительно размышляя, не наложить ли на второго пилота дисциплинарное взыскание. Чисто для профилактики. Чтобы не перебивал командира. Но так ничего и не смог придумать, поэтому только вздохнул и с видимым усилием повторил:

– Ситуация на борту внештатная. Однако прямой и непосредственной угрозы жизни и здоровью экипажа нет.

Михаил с Егором многозначительно переглянулись. Егор даже возвёл очи горе – дескать, нет так нет. Начальству виднее.

– Все системы в норме, – продолжил Андрей, – они ведь в норме, Миш?

Михаил старательно закивал.

– Однако, – продолжал Андрей, – неисправность СЖО в грузовом модуле может привести к повреждению или даже гибели, – он замялся, соображая, как бы точнее выразиться. Голова гудела громче вентиляции и совершенно не желала работать, – биологического материала в лице...

Рядом громко чавкнули.

Андрей прервался и с явным неудовольствием покосился на упомянутое лицо.

Шимпанзе, заботливо укутанный Михаилом в два полотенца, болтался рядом, крепко ухватившись пальцами левой ноги за ближайший поручень, и допивал второй пакет куриного бульона.

Примат, судя по виду и росту, подросток, очевидно, должен был проделать весь путь до Европы во сне. Вот только те, кто его отправил в это путешествие, где-то здорово просчитались, и бедное животное очнулось в темноте и холоде.

После долгих уговоров и увещаний, перепуганного, голодного и начинающего замерзать, его перетасили на корабль, где Михаил, отпустив несколько ёмких фольклорных выражений в адрес персонала станции, принялся отогревать и откармливать неожиданного пассажира. Он же обнаружил браслет на левой руке обезьяны. На браслете было выгравировано одно слово – Жора.

– Ешь, не бойся, не обидим, – ласково прогудел Михаил, осторожно проводя огромной ладонью по жёсткой шёрстке на голове шимпанзе.

– Тебе, Миша, ветеринаром нужно было работать, а не в космосе болтаться, – насмешливо заметил Егор, наблюдая за этой трогательной сценой.

– А я и хотел, – согласился Михаил, улыбаясь чему-то своему, – просто так получилось.

– Ты вот что, ветеринар, – сказал Андрей, – модуль посмотрел? Починить сможешь?

Михаил нахмурился, ответил не сразу и словно оправдываясь:

– Нет. В таких условиях точно нет. С давлением я подшаманил малость. Но там система терморегуляции вообще того. Если бы на базе, тогда не вопрос. А так, нет. Извини, командир.

Андрей только кивнул. Михаил налетал не меньше него. Был прекрасным бортинженером. Имел за плечами богатейший, в том числе и печальный, опыт внештатных ситуаций, а однажды вообще буквально вытащил их с того света, когда на Ганимеде...

Впрочем, не до этого сейчас. Если Миша сказал нет, значит, нет.

– Есть хоть малейшая возможность переместить контейнер с кошками на корабль? – спросил Андрей, отлично зная ответ. – Может, попробовать его разобрать, а потом собрать заново?

Они битый час водили хороводы вокруг контейнера и перехода из модуля на корабль, пробуя разные варианты.

Всё было напрасно. Диаметр люков не позволял протиснуть космическую переноску со спящими кошачьими.

– Не выйдет, – заверил его бессердечный напарник, – только если сломать.

– Не надо ломать, – всерьёз обеспокоился Михаил, – животных пораните.

– Тогда так, – резюмировал Андрей, – я докладываю на базу, Сергеичу. Обсудим ситуацию. А вы... переносите. Ну, не знаю, по одной, что ли. Не бросать же их там. Температура падает?

– Минус два по Цельсию, – бодро отрапортовал Егор, бросив быстрый взгляд на показания приборов.

– Вот и приступайте, э... к эвакуации.

– Ой, чую я, добром это не кончится, – пробурчал Егор и принялся с трагическим выражением на лице открывать люк.

Эвакуация ничего не подозревающих животных заняла почти полчаса. Егор, более юркий и компактный в сравнении с Михаилом, раз за разом нырял в тёмные недра стремительно вращающегося в морозилку модуля и через минуту-другую бережно передавал бортинженеру по два безвольных пушистых тельца.

Немного поломав голову над проблемой размещения на борту новоприбывших, Андрей пришёл к выводу, что лучше всего поместить кошек в каюте. И кошкам теплее, и под ногами-руками болтаться не будут.

На законный вопрос Егора, а где же будут спать они сами, Андрей напомнил напарнику про больное ухо и пообещал дополнительные вахты, что окончательно сняло данный вопрос с повестки дня.

Егор в ответ заявил, что начальство его не ценит и вообще.

Пока они возились с кошками, которые, кстати, оказались все, как один, котами, Андрей доложил на базу текущую ситуацию. В ответ база затребовала режим видеосвязи.

Видеосвязь Андрей не любил – из-за задержки сигнала она напоминала ему диалог двух умственно отсталых, но покорно включил камеру и стал ждать.

Начальник ремонтно-эксплуатационной базы, к которой был приписан их «Мангуст», Никифоров Игнат Сергеевич мужик был суровый, хозяйственник крепкий, пилот первоклассный, а как руководитель ещё и строгий и непробиваемый. Базу Сергеич содержал в идеальном порядке, подчинённых – в ежовых рукавицах, но грань разумного никогда не переходил, казармщину не устраивал и для своих людей при необходимости мог и почти безнадёжную спасательную операцию лично возглавить, и с неизбежной всегда и везде бюрократической машиной схлестнуться. Да так, что от той только зубья да шестерёнки летели.

Какое-то время Сергеич пристально, с некоторым разочарованием разглядывал опухшее, с почти не открывающимися слезящимися глазами лицо Андрея. При этом густые, без единого седого волоска брови начальника то взмывали в недоумении, то сходились к переносице, пока не приняли своего естественного положения – левая чуть выше правой, что придавало ему вид не то подозрительный, но то подозревающий.

– Плохо выглядишь, – сказал, наконец, начальник.

– Аллергия на кошек, – пояснил Андрей, – с детства.

Сергеич нахмурился.

– Странно. А в медбазе ничего. Ладно. Обязанности командира корабля выполнять в состоянии? Только давай без геройства. Могу временно заменить тебя. Передашь полномочия второму пилоту. Модуль проверили? Чагин что говорит по этому поводу? Да, вот ещё. Обязательно зафиксируйте и запротоколируйте все нарушения, повреждения и неполадки в модуле. И свои действия, естественно, тоже. Иначе на вас же всё и повесят. Замучаемся расхлёбывать. Всё. Давай. Конец связи.

А может, и правда, подумалось Андрею, когда Сергеич пропал с экрана, может, передать полномочия Егору. Пусть командует. А из меня... Ну какой сейчас из меня командир? Сопливым и вечно чихающий, вот какой.

– Э... Командир, – прервал ход его мыслей Егор, – тут такое дело. В общем, похоже, нашему Жорику приспичило.

До Андрея не сразу дошло, а когда дошло, стало совсем тоскливо.

Он окинул критическим взглядом болтавшуюся за его спиной троицу. Шимпанзе тихонько подвывал, вытягивая губы трубочкой и недвусмысленно держась за живот. Миша сконфуженно отводил глаза и делал вид, что необычайно занят проверкой содержимого карманов комбинезона. Егор ничем занят не был, но всем своим видом демонстрировал готовность не подчиниться приказу. Любому другому – да. Хоть в открытый космос в одних трусах. А этому – нет.

– Гады вы, – беззлобно выругался Андрей, ухватил изнывающего Жорика за руку и потащил в туалет, сопровождаемый гробовым молчанием и скорее угадываемыми, чем слышимыми вздохами облегчения.

Жорик вынырнул из санузла через десять минут, сияя и довольно побряхтывая. Появившийся следом мрачный Андрей в ответ на немые вопросы экипажа гаркнул: «Ма-алчать!», ни на кого не глядя, забрался в командирское кресло и тут же набросал график очерёдности.

* * *

Долетаю оставшиеся месяцы и переведусь на «Караван», думал Андрей, корректируя курс и вводя новые данные для автопилота. Что я, хуже Ковязина? В самом деле, не мальчик уже туда-сюда мотаться. А на «Караване» хорошо. Почти как на Земле. Опять же, работа спокойнее, зарплата выше. Или нет? Надо будет уточнить. Ответственности меньше, это точно. И потом, у них там медотсек величиной с районную поликлинику, а у меня антигистаминные заканчиваются. Точно, долетаю и переведусь.

Всю левую часть обзорного экрана занимал выпуклый бок Юпитера.

Андрею вспомнилось, как в детстве, совсем ещё пацанёнком, он вместе с дедом часами бродил по лесу, задрав голову и высматривая на пятнистых стволах старых берёз уродливые с виду наросты – капокорень. И как каждый раз радовался, когда находил. А затем начиналось самое интересное. Нужно было карабкаться на шероховатый, чаще бурый, чем белый, ствол дерева и вручную спиливать это сокровище. Никаких электрических инструментов в этом деле дед не признавал принципиально. Говорил, хочешь взять – потрудись. Приложи усилие, докажи лесу и дереву, что кап тебе действительно нужен. Берёза поупирается, поворчит, но поймёт и отдаст.

Поверхность Юпитера, волнистая, с переливами и переплетающимися замысловатыми узорами, всегда напоминала Андрею рисунки капа. А ещё детство и деда. Подумать только, когда тот начинал летать, как раз заканчивали строительство второго «Каравана».

Андрей промокнул салфеткой глаза. Влага скапливалась, мешая видеть. Зато слышать ничего не мешало. В монотонном гуле корабля, знакомом до последней нотки, до самого редкого полутона, не было ничего подозрительного. Разве что в каюте, где досыпали своё путешествие коты, периодически кто-то начинал глухо мурьявать. Затем всё снова затихало.

А может, ну его, этот «Караван», снова подумалось Андрею, скука же смертная. Не то что у нас. Вот, даже обезьяна есть.

Жорик, к тому времени уже вполне сносно освоившийся в новой обстановке, занимался тем, что внимательнейшим образом изучал липучки, к которым крепились разные мелкие, необходимые в быту и обслуживании предметы. Отлепив очередную упаковку с салфетками и отправив её в свободное плавание, шимпанзе поочерёдно прикладывал пальцы к липнущей поверхности и каждый раз радостно охал и повизгивал, демонстрируя успехи в познании висящему рядом Михаилу и явно требуя одобрения.

– Детский сад, – проследив взгляд командира, прокомментировал Егор, – дитё и нянька.

– У тебя вахта полчаса назад закончилась, – напомнил Андрей, – отдыхай. Поспи.

– Где? – с искренним недоумением поинтересовался Егор. – У нас в каюте кошачий приют. Забыл?

– Миш, – попросил Андрей, сдавив пальцами виски, – скажи своему подопечному, чтобы перестал бубнить. Голова и без него раскаляется.

– Да не бубним мы вообще-то, – удивлённо ответил Михаил, – мы пальцы считаем. Жорик вообще молчит.

– Тогда откуда... Коты!

Между тем в каюте забормотали громче и настойчивее, несколько раз кто-то угрожающе мяукнул и зашипел. Затем по ушам ударил резкий и хлёсткий, как пощёчина, визг, быстро перешедший в вой невообразимой тональности. К нему добавился второй, третий, четвёртый, и все они слились в чудовищную какофонию, от которой закладывало уши и сворачивались внутренности.

Раздвижная дверь вздрогнула от нескольких сильных ударов подряд.

Андрей и Егор переглянулись.

– Я посмотрю, – быстро сказал Егор, легко оттолкнулся от кресла и потянул ручку дверцы.

В следующее мгновение, получив чувствительный удар в грудь, он отлетел к противоположной стене, сильно приложившись спиной о поручень, а следом из каюты вынесся мохнатый, шевелящийся и орущий на все лады ком, ткнулся в потолок, по касательной второй раз прошёлся по Егору и завис в центре, расшвыривая вокруг себя клочки шерсти.

– Миша! – заорал Андрей, почти ничего не видя из-за выступивших слёз.

– Есть, – с полуслова понял Михаил, с трудом отодрал от себя перепуганного Жорика и бросился в кошачий ад, как на амбразуру.

Только втроём, испаранные и чудом не лишившиеся глаз, сумели они раскидать сцепившихся намертво и рвущих друг друга котов. Хватали за всё, что попадалось под руку, не обращая внимания на дикие вопли и удары когтистых лап, и отбрасывали в сторону.

Воздух на корабле стал серым.

– Миша – противогазы, Егор – пылесос. Быстро! – отрывисто бросил Андрей, натягивая футболку почти до глаз. – Вентиляцию на максимум.

– Они же спать должны, – успевал возмущаться Егор.

– Они в контейнере спали. Контейнер в модуле остался, – пояснил Михаил, передавая им противогазы. – Жорик, сюда. Надо надеть шапочку.

Конечно, у Андрея было определённое представление о том, как может выглядеть апокалипсис. Однако сейчас ему стало отчётливо ясно, как сильно он заблуждался в данном вопросе.

Пылесос взревел, приведя и без того ошалелых котов в полное неистовство. Если бы добрая половина животных в тот момент рассталась с жизнью по причине остановки сердца, Андрей несколько бы не удивился.

Но коты умирать не собирались.

Инстинкт и вестибулярный аппарат наперебой советовали извернуться в падении и приземлиться, как и полагается любой уважающей себя кошке, на все четыре лапы. Беда была в том, что ни тот ни другой не могли подсказать главного – куда нужно приземляться и почему падение не заканчивается?

Коты бешено крутили хвостами, нелепо размахивали лапами, то расшепериваясь, словно в затыжном прыжке, то группируясь, как перед ударом о землю, изгибались в немыслимых позах, выпускали и прятали когти, сверкали красными глазищами и орали, орали, орали...

Егор с пылесосом наперевес, похожий на героя триллера, пробивающегося сквозь сонмище демонов, сновал по кораблю, периодически отпихивая зазевавшихся животных от рас-труба.

Михаил с намертво приклеившимся к нему Жориком что-то быстро и сноровисто пере-страивал в системе жизнеобеспечения.

Сам же Андрей, несмотря на усиливающуюся одышку, успевал отслеживать данные по кораблю, отмахиваться от пролетающих мимо животных и составлять рапорт на базу.

Идею развесить котов прямо так, в воздухе, вне досягаемости друг друга предложил Михаил. Царапающихся и норовящих цапнуть животных совместными усилиями с превеликим трудом, но распределили в пространстве. Правда, на всех места всё равно не хватило и кому-то повезло больше, им разрешили ухватиться за поручни. Трёх самых отмороженных по настоянию Андрея запихнули в спальные мешки. Барахтаться коты не перестали, а усиленная конвекция нет-нет да и нарушала их совсем не стройные ряды, так что за положением кошачьих тел приходилось неустанно следить.

Кроме того, каждые два часа Егор врубал пылесос, и всё начиналось сызнова.

Кстати, душу он отводил тем, что после каждой такой процедуры отправлял на «Европу-3» очень эмоциональные видеобращения сугубо интимного характера.

«Европа-3» пристыженно молчала.

– Лопух, – коротко резюмировал Сергеич во время очередного сеанса связи, не без интереса рассматривая живые гирлянды за спиной Андрея, – лопух, потому что должен был предусмотреть. Впрочем, – он почесал щетину на подбородке и признался, – я тоже хорош. Да, и не вздумайте их кормить.

К концу первых суток коты утратили всякую надежду обрести твёрдую почву под ногами и уже не норовили при каждом удобном случае вцепиться в лицо. Вой сменился монотонным, не прекращающимся ни на минуту требовательным мяуканьем.

– Голодные. Есть просят, – с жалостью в голосе сказал Михаил.

К этому времени они поменяли противогазы на более удобные респираторы. Жить и общаться стало значительно легче.

– Переживут, – отреагировал Егор, – как ты себе это представляешь? И где мы им корм достанем? Опять лезть в модуль и вскрывать все контейнеры?

– Егор прав, Миша, – поддержал напарника Андрей, – мы сами едим, словно украли. Даваясь и прячась. Так что с кормёжкой отбой. А вот напоить их надо.

Егор выпучил глаза.

– Из трубочки?

– Да хоть из трубочки.

В конечном итоге, после долгих споров и препирательств, остановились на самом простом в исполнении варианте. Рядом с кошачьей физиономией просто выдавливали шарик воды. Коты не понимали, что от них хотят, с подозрением косились на плавающий рядом предмет и лупили по нему лапой, отчего тот разлетался на множество мелких капелек, а Егор принимался в очередной раз костерить всех подряд и жаловаться на судьбу.

За всеми хлопотами они совершенно забыли про Жору, которого, напротив, казалось, всё это начинало забавлять. Смышлёный шимпанзе не только не боялся пылесоса и носящегося с

ним по кораблю архангела Егора, но и научился самостоятельно ходить в туалет и даже немного помогал Михаилу следить за котами.

Но что больше всего поразило лично Андрея, так это то, что Жора как-то незаметно для всех завёл себе питомца. Чёрный, как глубины космоса, без единого светлого пятнышка кот чем-то приглянулся Жорику, и тот буквально не выпускал его из рук. Поначалу кошак яростно шипел, царапался и изо всех сил стремился вырваться из цепких обезьяньих пальцев на свободу. Однако Жорик вполне успешно провёл воспитательную беседу: пару раз показал клыки, проухал что-то почти осмысленное, и кот затих, смиренно приняв свою участь.

У Андрея закончились препараты, и он начал постигать постулаты буддизма, в котором, как известно, жизнь – это страдание.

– Это у тебя психологическое, – авторитетно уверял его Михаил. – Подумай сам, во-первых, в тебе лекарства сейчас столько, что уже булькает. Во-вторых, ты всё время в респираторе, а значит, аллерген в организм не поступает. Точно тебе говорю, психологическое.

Егор тоже не оставался в стороне.

– Эх тебя развезло, командир, – сочувственно заметил он однажды, отмахиваясь от пролетавшего мимо рыжего кота. Кот пролетел в сантиметре от его лица, выпустил когти и яростно сверкнул глазом, обещая вернуться на следующем витке, – и как тебя только в космос пустили?

– В космосе нет кошек, – прогнусавил Андрей.

– Ага. Я тоже так раньше думал, – коротко хохотнул Егор.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались теперь уже оба. Легко и искренне. Впервые за долгое время.

К концу вторых суток их вырубило.

Вот только что всё было как обычно: Андрей сверял курс с данными навигационной системы, Егор, закончив очередную эпопею с пылесосом и высунув от избытка чувств язык, составлял новое послание на «Европу», а Михаил вместе с Жориком поили котов. А потом раз и...

Андрей открыл глаза. По привычке прислушался. Что-то было лишним. Что-то его разбудило.

Вибрация. Еле уловимая, буквально на грани восприятия, но вибрация.

– Чёрт. Миша, подъём! У нас... – он резко развернулся в кресле и замер, с недоумением всматриваясь в представшую его взору картину. Потом губы сами расплзлись в улыбке.

– Я уж подумал, что они тебя сожрали.

Михаил приоткрыл один глаз и сразу его закрыл.

Бортинженер висел в воздухе, почти полностью облепленный котами. Только голова и руки оставались свободными. Вцепившись в ткань комбинезона, зверьки доверчиво жались к человеку и мурлыкали.

Проснулся Егор. Потянулся, зевнул, оценил.

– Смотри, чтобы тебя не разорвало, – предупредил он, – когда они в резонанс войдут.

– Не-а, – блаженно улыбаясь, протянул Михаил, – хорошо. Как массажное кресло, только лучше. Надо нам на базе кошек завести. Для релаксации.

– Типун тебе! – не сговариваясь, хором рявкнули Егор с Андреем.

Через два часа пришло сообщение от Сергеича.

Принимавший его Егор то начинал откровенно вполголоса материться, то нервно посмеивался, а под конец хлопнул себя по лбу и со всей ответственностью заявил, что такого бардака и безалаберности он не встречал даже в собственной управляющей компании.

– Да что там? – не выдержал Андрей, – рассказывай уже. Видишь, руки заняты.

И Егор принялся рассказывать.

За прошедшие двое суток Сергеич поставил на уши и построил по стойке смирно половину Солнечной системы. И в итоге, преодолев бастионы многочисленных инстанций, непро-

ходимые топи бюрократической волокиты и непоколебимые оплоты борцов за чистоту мундира, сумел-таки выяснить следующее.

– Представляешь, – говорил Егор, чуть не захлёбываясь от возмущения вперемежку с пробивающимся смехом, – эти балбесы на «Европе» умудрились потерять несколько подопытных образцов.

– погоди, не части, – остановил его Михаил, – каких образцов?

Егор воздел указательный палец к потолку и торжественно провозгласил:

– Мышей! Они там мышей изучают. Точнее, чего-то там влияние на какую-то там адаптацию, кажется, и всё такое. Не важно, ты дальше слушай. Когда спохватились, те мышки плодятся и размножаться начали чуть ли не в геометрической прогрессии. И грызть, соответственно, всё, что на зуб попадёт. Глазом моргнуть не успели, запасы продовольствия наповину испорчены, провода погрызены и, что самое неприятное, местная система жизнеобеспечения вдруг сбоить начала. Не критично, конечно, но показательно. Понятное дело, запустили, так сказать, процедуру дератизации. Сначала подручными средствами. Попробовали травить ядом. Однако яд тот мышки харчили и добавки просили. Тогда секционнo обработали станцию газом. Вывели из строя часть помещений и треть оставшегося оборудования, а мышкам хоть бы насморк!

Андрей шмыгнул носом.

– Мне бы так.

– Дальше больше, – Егор на реплику даже внимания не обратил. – Учёные – люди упёртые. Тем более что это уже не операция по зачистке, а полномасштабная война. Вспомнили многовековой опыт человечества по борьбе с грызунами, помножили на плоды научно-технического прогресса и настрогали кучу мышеловок: от самых примитивных до высокотехнологичных. И что вы думаете?

– И что мы, Миша, думаем? – спросил Андрей заслушавшегося бортиженера.

– А ничего! – сам же и ответил Егор. – Уж не знаю, какие эксперименты они на тех мышках ставили, но на интеллекте это точно сказалось. В некоторые мышеловки попало ровно по одной жертве, а в большинство вообще никого! Когда ситуация достигла уровня алескапут, скрепя сердце поставили в известность начальство. А пока на Земле пренебрежительно посмеивались да телепенелись, вопрос встал уже ни много ни мало, а о полном закрытии станции ввиду её недееспособности. А это катастрофа! Позор! Непоправимый удар по престижу! Несмываемое пятно на репутации!

– Мда, – протянул Андрей.

– Мда, – согласился Михаил.

Егор, в запале повествования размахивавший руками, что твоя мельница, уже раза два провернулся вокруг своей оси и теперь старательно принимал привычное положение, маневрируя меж парящих вокруг притихших котов.

– Вот тут-то, – произнёс он, загадочно шурясь, – некий умник и предложил выход на нашу голову. Вспомнил, зараза, как после снятия блокады Ленинград зачищали от несметных полчищ заполонивших город крыс. Начальство ознакомилось с предложением, подумало, пофыркало, но дало добро на исполнение. А что, дёшево и сердито. В условиях строжайшей секретности, чтобы, значит, пуше прежнего не осрамиться, насобирали в приютах самых диких котов, оформили задним числом как биоматериалы и тихонечко, без лишней огласки, отправили с оказией на ближайший «Караван».

– Абзац, – невольно вырвалось у Андрея.

– В точку, – подтвердил Егор, переводя дух.

– А Жорик? – спросил Михаил. – Жорик-то откуда взялся?

Егор выдержал паузу, улыбнулся многозначительно:

– А вот это, друг мой Миша, вообще отдельная песня. Об этом мы с вами лично начальника станции очень вежливо спросим. Короче, – закончил он, потирая руки, – там сейчас такой скандал разгорается... Размером с Красное пятно. Не, с орбиту Плутона, не меньше. Причём обвинения в нецелевом использовании оборудования и нарушении правил перевозки живых организмов – самые безобидные обвинения. Чую, и головы полетят, и погоны, и звания.

– Жалко, – печально пробасил Михаил.

– Кого? – не понял Андрей.

– Котов, разумеется, – уточнил тот, – и Жорика. Намучались они, бедолаги. Слушай, командир, – оживился он вдруг, – а найдёшь мне потом фамилию этого любителя истории, а?

– Это зачем ещё? – спросил Андрей, с подозрением рассматривая внушительные габариты бортиженера.

– Да так, – пробурчал Михаил, старательно глядя в сторону, – я тоже историей интересуюсь. Встретимся, пообщаемся.

– Только скажи хотя бы, где труп закопаешь, – поддел его Егор.

– А ну-ка стоп, – осадил обоих Андрей, – тоже мне, народные мстители нашлись. Отставить! Егор, свяжись со станцией... Да не как обычно! Передай, что садиться будем на максимально близком расстоянии. Пусть приготовят рукав. И на герметичность проверят. Вот прямо на себе пусть и проверят. Не хватало ещё...

– Есть, командир, – театрально козырнул Егор, раздвинул в стороны болтавшихся над пультом управления котов и просительно глянул на Андрея:

– А можно я больше пылесосить не буду? Ей-богу, сил уже никаких нет. Да и кошки только-только угомонились.

Андрей махнул рукой и обернулся к бортиженеру.

– Миша, что у тебя? Сядем нормально? Сюрпризов больше не будет?

– В штатном режиме, – уверенно пообещал Михаил. – Двигатели в норме. А вот система регенерации воздуха... У меня уже дублирующая на последнем издыхании. Фильтры забиты, блок очистки от примесей вообще гудит, как паровоз. Одним словом, – Михаил вздохнул и бросил на Андрея виноватый взгляд, – сесть-то мы сядем. А вот обратно до базы без ремонта не долетим.

Андрей задумчиво почесал лоб и вдруг, неожиданно для самого себя, понял, что это его совершенно не тревожит.

– Егор, – сказал он, улыбаясь своим мыслям, – ты, кажется, в отпуск хотел? Так вот, будет тебе отпуск. И даже на целой планете. Цени заботу командования.

Егор только страдальчески закатил глаза и скорбным голосом возвестил:

– О, смертные, бойтесь своих желаний.

* * *

Неизвестно, что ожидал увидеть персонал станции «Европа-3», небольшой группой столпившийся у шлюзовой камеры телетрапа, но точно не шимпанзе, вразвалочку направляющегося им навстречу, при этом дружелюбно скалясь и небрежно придерживая левой рукой болтающегося, как шарфик, с видом полного смирения угольно-чёрного кота.

Затем из корабля донёсся громкий чих, команда «брысь», и из люка один за одним стали медленно, словно через силу, выбираться, нервно дёргая хвостами и лапами, угрюмые и молчаливые коты.

Последними перед импровизированным комитетом по встрече предстали три человека в потрёпанных, местами изодранных комбинезонах и с исцарапанными, измождёнными лицами.

Постояли, переглянулись и решительным шагом двинулись к входу в станцию.

Майя Полумиско. Новая Земля с порядковым номером

В голове ещё гудело, но запрос на досрочную выписку из лазарета младший лейтенант Сто тридцать шестого полка Терранской Галактической миссии сектора Андромеды Таня Малиновски уже направила. Лёгкая контузия, пара царапин на затылке и сломанная рука – не повод валяться в койке и смотреть в потолок. Железный низкий потолок палаты на военной космостанции «Кинир» нависал так низко, что заставлял думать о крышках ящиков. В лучшем случае ящиков.

Пищащий монитор, длинные шнуры, красновато-серый регенерационный раствор из колб – всё это уже можно было отключить.

Чувствовала себя Таня нормально. Ей ещё рапорт писать, полковник Джереми Айосса – та ещё бюрократская крыса, будет придираться к каждому «упущенному» часу и каждой запятой в докладе. Таня не помнила, участвовал ли Айосса хоть в одной вылазке против повстанцев, сепаратистов, да хоть на стандартной зачистке территории какой-нибудь планеты от опасных неразумных форм жизни бы отметился.

Айосса предпочитал расхаживать по плацу и рассуждать о великой миссии Галактической миссии – да, прямо свехоригинальная игра слов, особенно когда слышишь её в тысячный раз. Плац под его коваными подошвами всегда противно брэнчал. Скрыться некуда: на космостанции плац был скромным, потолки такими же низкими. Экономили не столько на сверхпрочном титановом сплаве, сколько на необходимости подавать воздух, поддерживать температуру и снабжать растянутую посреди «ничего» платформу энергией.

От местной звезды протянули «гелиолифт», но мощности она выдавала немного. Это был красный карлик с цифрами вместо названия в картотеке людей, арроенов, киури и, кажется, талаков. Никому не нужный шар со слабыми выбросами радиации. Красный карлик обещал

скоро проявить себя во всей красе и стать сверхновой, но в ближайшие тысяч десять лет этого можно было не опасаться. «Скоро» – по космическим масштабам.

Почему «Кинир» построили именно здесь, Таня знала: стратегически хорошее место. Несколько крупных космических путей, а недавно обнаружили всего в одном прыжке кое-что поинтереснее кряхтящего красного карлика: звезду класса «Б» с собственной солнечной системой. Шесть планет, две слишком холодные, три – горячие, но та, что посередине, ещё с орбиты манила синими океанами, зелёными лесами.

Планета земного типа. Кислород, вода, даже растения с хлорофиллом и всем прочим. Собственно, об этом Таня и должна была написать.

Она поколебалась и вытащила катетер. Подача клеточного раствора автоматически прекратилась. Искин пискнул что-то о недопустимом прерывании процедуры, Таня пробурчала: «Заткнись» – и потянулась за формой. Она висела на специальных крючках на стене.

– Я напишу рапорт, – пообещала Таня, глянув в зеркало и пригладив светлый колючий «ёжик». – Вот только перекинусь парой слов с ребятами.

Вылазка прошла неплохо. Пятеро раненых, включая её, – это ерунда.

Манящая планета из атмосферы смотрелась раем. На самом деле, конечно же, оказывалась адом для всякого, кто рисковал преодолеть слои стратосферы и коснуться ногой поверхности.

За десять дней первой вылазки-исследования рота Тани прозвала планету Обжорой.

Теперь ей предстояло объяснить и Айоссе, и вышестоящему начальству – за судьбой лакомого кусочка следили на уровне Вселенского Совета, каждая раса в нём мечтала прибрать к рукам, лапам, ложноножкам, хелицерам хотя бы четверть, а лучше треть или половину шарика с комфортным 0,9G, зеленью и кислородом. Пригодных для жизни планет мало. Такая стоит новой Войны Десяти Флотов – от одной мысли подкатывала холодная тошнота, та миновала триста лет назад, миллиардные жертвы не забыла.

Или до войны не дойдёт, потому что смешное прозвище Обжора означало именно то, что написано на упаковке: лесистый мир с прохладной водой пожирал всё живое, что прикасалось к нему.

* * *

Таня выглянула из тесной палаты лазарета. Они были натканы вплотную, штук десять подряд, как пчелиные соты, выстроенные вдоль. Двери примыкали к дверям. В коридоре не разошлись бы двое людей покрупнее, с непривычки на «Кинире» начиналась клаустрофобия, но Таня знала базу как свои пять пальцев, как любимый бластер. Она по звуку в соседней палате определила: там кто-то есть. Наверное, раненые из её ребят.

Таня прислушалась: больше одного пациента.

Она остановилась рядом с клинкерной дверью. Над головой зеленовато подмигивала лампочка. «Вечные» диоды барахлили. Потолок нависал так низко, что овальный выступ светильника заглядывал через плечо, как любопытный сосед в твой тридешный экран, пока смотришь новый фильм. Мелкая Таня хотя бы затылком потолок не задевала, другим везло меньше. На лазарете вообще сэкономили, архитекторы «Кинира» считали, что космодесант болеть не должен, не зря же каждому ставили по десятку обязательных имплантов – от гормональной коррекции до иммунной стимуляции.

Так кто из её команды всё ещё там? И почему лечат чем-то кроме универсального поставь-на-ноги регенеранта?

«Мы вырвались с Обжоры».

«Мы улетели оттуда. Да, напоследок тварь нас покусала от души, но...»

Таня потёрла свежий шрам на шее и груди – если бы не современные технологии, остаться бы ей вообще без кожи, с вросшими в мясо иглами лианы-паразита, а скорее всего – не протянуть и пары часов. Она проследила, чтобы всех пятерых сунули в гибернацию, сама плюхнулась в «ледяную ванну» последней. Ещё выдохнула: «Ох, мать твою, хорошо», потому что холодный раствор приятно остудил горящую огнём рану.

Остальным досталось меньше. Четверых лизнули такие же лианы или их сородичи. Пятый...

Пятым был Нил Дорси. С ним случилось нечто иное, но Таня думала: капрала Дорси выпишут первым. В самом начале высадки его цапнуло местное существо вроде краба размером с ноготь: Дорси сдуру ткнул без перчатки ствол поваленного дерева. Таня потом всех его родичей до питекантропов с праматери Терры вспоминала, а капрал чесал ладонь все три дня, что они исследовали Обжору. Зуд не унимался, но и хуже не становился, антигистаминный впрыск помогал не взбеситься иммунной системе.

Почему он всё ещё в лазарете? Почему там кто-то ещё, док ди Каштру тратила на осмотр минут пять, потом подключала стандартный протокол и позволяла природе – то есть совсем не природным имплантам и регенерации, – сделать своё дело.

«Что за...»

Дверь открылась. Таня подалась назад.

– Сэр.

Полковник Айосса потёр лоб. Он был здоровяком, больше похожим на какого-нибудь уголовника из списка «Их разыскивает межгалактическая полиция», чем на «штабную крысу». Таня внезапно подумала, что сражаться-то теоретически хотя бы он должен неплохо, а ещё – что рожа у него ещё более неприятная, чем обычно.

Может, потому что низкий лоб, нависшие брыли и даже голубоватые прозрачные глазки чуть навывкате отображали тяжёлый и мучительный мыслительный процесс.

– А, Малиновски. Заходи-ка.

– Так точно. Сэр.

Внутри пахло так, что Таня едва не поморщилась. Гниющие трупы видеть приходилось, нюхать – тоже, здесь смрад был иным, словно что-то ещё жило, но распадалось быстрее, чем успевало восстановиться. Нил Дорси лежал на узкой койке. Таня заставляла себя не таращиться на бледное покрытое потом лицо, без того худощавый Дорси как будто превратился за пару дней в скелет, зато рука раздулась и лежала поверх простыни зелёно-чёрной дубинкой. Каждый палец с запястье Тани, кожа блестела и натянулась, похожая на готовый порваться пластиковый мешок, даже блестела.

– Сэр?

Тане удалось задать вопрос нейтральным тоном. «Нет, я не знаю, что с ним. Да, мы все были на Обжоре, я собиралась написать рапорт, но я не...»

– Это она возглавляла операцию? – только сейчас Таня заметила в углу ещё одного человека. Женщина в голубовато-белом комбинезоне носила прозрачную маску и смешной капюшон поверх коротко стриженных тёмных волос. На комбинезоне Таня узнала логотип «ДатаГен»: самая полезная в обитаемом космосе корпорация. Поставщик имплантов, генетического моделинга, лекарств от всех болезней. Даже на банках с жидкими бинтами стоял всё тот же логотип, а ещё «ДатаГен» изо всех сил помогала Терранской Галактической миссии. Конечно, не отказывая и другим представителям Вселенского Совета, но ксеносов среди учёных Таня никогда даже по телеку не видела.

Люди для людей. Каждый сам за себя в бесконечности Вселенной.

– Айосса, это та самая...

– Младший лейтенант Малиновски, – назвалась Таня и запнулась, понятия не имея, как обращаться к закованной в пластиковую броню комбинезона женщине.

– Доктор Женевьев Альбер, – сказала та. – Специалист по экзотическим ксенопаразитам. Это прозвучало обвиняюще. В спину сопел полковник Айосса.

Оправдываться Таня не собиралась.

– В некотором смысле, конечно, вы послужили науке, – доктор подошла к Дорси, без всяких предисловий или переходов достала лазерный скальпель и резанула по вздутой руке. Под ней мелькнуло что-то прозрачное, оно дёрнулось и прыгнуло, но Альбер успела первой. Прозрачная тварь, похожая на морскую звезду или растопыренную семипалую кисть руки билась в непроницаемые стенки колбы. Дорси застонал. Таня посмотрела на края раны: ничуть его рука не уменьшилась, такая же огромная, надутая и по-прежнему воняет.

– Сэр? – Таня сочла за лучшее обратиться к Айоссе.

– Вы это дерьмо притащили, – пробурчал тот. – Док уже с полдесятка этих уродцев наложила. У него там вместо чёртовой руки целый улей.

Таня сглотнула. Пустой желудок плеснул кислоты в пищевод.

– Мы выполняли приказ, сэр. Заражение ведь удастся устранить?

Дорси пошевелился и приоткрыл глаза. Тёмная радужка выцвела до желтизны, жёлтыми были и белки.

– Поражена не только рука, но и печень, почки, все внутренние органы, – пояснила док Альбер. – Полагаю, этому человеку осталась пара часов. Кроме того, на финальной стадии личинки могут захотеть покинуть тело, и тогда лучше...

Таня снова дёрнула горлом.

– Вы предлагаете его убить?

– Моя рекомендация? – доктор из «ДатаГен» подняла спокойный и равнодушный взгляд. – Упаковать его в скафандр и выбросить в открытый космос до того, как паразитарный эмбриогенез завершится.

– Живно. В космос. Может, ещё и сжечь?

– Заметьте, это вы предложили, мисс Малиновски.

– Ах ты лабораторная...

– Отставить! – рявкнул Айосса. – Мы поместим его в глубокую гибернацию. И...

Доктор Альбер внезапно обрадовалась:

– «ДатаГен» охотно примет материал для исследований.

Айосса кивнул. Тане он бросил колючий, как та лиана, взгляд: только попробуй рот открыть, сама окажешься в открытом космосе без скафандра.

– Бери лучших, кого сочтёшь нужным, и возвращайся на эту планету, Малиновски. «ДатаГен» нам уже подсказали, как вытравить эту гадость, пока ты валялась в отрубе. Всё необходимое получишь. Планета идеальна для терраформирования, так что мы выжжем всю отраву к такой-то матери. Ну? Чего стоишь, это приказ!

– Есть, сэр.

«...Крыса», – мысленно закончила Таня по ту сторону клинкерной двери. Желтушные глаза Дорси приоткрылись напоследок, и прямо в склере промелькнула прозрачная «морская» звезда.

Или краб. Больше напоминало краба.

* * *

Малогобаритный «Альбатрос» покинул платформу сутки спустя. Проворный быстрый корабль с быстрой генерацией червоточин – узких коридоров, действительно кротовых, а то и мышиных нор, должен был добраться до Обжоры всего за десять-пятнадцать часов.

Таня старалась не чесаться, представляя белёсые лапки паразитов, жёлтые глаза Дорси и невозмутимую Альбер с колбой. Чесаться хотелось. Психосоматика в чистом виде, конечно,

но слухи и без того ползли, а ещё она так и не написала рапорт, потому что Айосса приказал торопиться. «ДатаГен» его гнали метафорическим кнутом и, может быть, сулили пару пряников, если небольшой отряд зачистит планету-Обжору, подготовит к заселению. Новая Земля и всё прочее. С порядковым номером. Потом дадут нормальное имя.

Почему именно от них? Никому не мешали ни лианы, ни колючки, ни даже местные водоросли, которые тоже норовили выстрелить в тебя и проткнуть длинным нитяным стрекалом.

«Хотят испытать свою отраву», – предполагала Таня, мрачно разглядывая свою команду. «Альбатрос» был кораблём-минималистом. Капитанский мостик, он же каюты, отдыхать в спальнях мешках. Машинное отделение бурчит прямо под ногами, словно у корабля несварение желудка: это генератор червоточин готовится выбросить энергию. Всё вооружение лёгкое, защита тоже. Из специальных условий – ядовитый концентрат, который надо будет распылить минами-вонючками в атмосфере. «Альбатрос» потому и назван в честь древней земной птицы: для посадки не предназначен.

Максимум можно выпрыгнуть на встроенных в скафандрах антигравях.

Поэтому всего пятеро, включая её. Она – командир и механик, Рэнди Томирико – навигатор, Дже Тао – химик и специалист по всякой этой ядовитой «бормотухе», как мысленно называла Таня атмосферные бомбы. Двое солдат – Макс Престон и Антон Зыков; они на Обжоре уже были, если что – сориентируются.

Маленькая железная птичка возвращалась туда, где водились твари. Тварей хотела поскорее убрать «ДатаГен».

Таня понятия не имела, почему спешка, почему так срочно. «ДатаГен» непостижимы, и это бесило, потому что формально компания работала на Терранскую Галактическую миссию, а на самом деле – наоборот.

Стоило закрыть глаза, всё ещё мерещилась желтоватая склера Дорси с барахтающейся во влажном белке стеклистой тварью.

«Что может пойти не так», – буквально написано на этой вылазке с атмосферными бомбами, и Таня абсолютно чётко знала ответ: всё.

* * *

Дже подбросила цилиндр бомбы и поймала удобную пластиковую ручку. По форме штука напоминала обычную ручную гранату – простая разработка, никакого тебе схлопывания материи в антиматерию.

– «Не токсично для млекопитающих», – прочитала она.

– Ну и хорошо, – Рэнди отвлекся от трёхмерной карты. Тесное пространство «Альбатроса» заставляло раскинуть виртуальную атмосферу Обжоры по лицам сидящих прямо на полу сослуживцев, Таня наблюдала за ними обоими – всё в порядке, Престон и Зыков вообще играют в карты. Альбатрос, ловкая юркая птичка, вошёл в атмосферу и повис, как и полагалось альбатросу, если Таня что-то помнила об этих тварях.

Внезапно она нахмурилась:

– Это получается, что «ДатаГен» знали о «крабах» до того, как поручили миссию нам?

Дже ослабилась. У неё даже медицинское образование есть, припомнила Таня. В крайнем случае сумеет вытащить «краба» до того, как...

Дорси появился перед мысленным взором, его раздутая рука наложилась поверх остального образа. Под набрякшей кожей кишели прозрачные твари, быстро перебирали лапками и жадно пожирали плоть.

– Вот именно, – Дже опять подкинула и поймала бомбу. – «Крабов» уже ловили и раньше, насколько я могу судить. А теперь решили от них зачистить хорошую планету.

– Ну и ладно, тебе жалко, что ли? – влез раздражённый Рэнди. Он сворачивал и разворачивал карту. Планета кружилась в сияющей неоновой сетке. – Паразиты – они и есть паразиты, а планета-то отличная.

– Лучше некуда, – подал голос Зыков. – Когда тебя сожрать не пытаются.

Престон молчал и чесал тёмную шею. Ему повезло: в прошлый раз тоже сунулся к похожему дереву, совсем как Дорси, но его укусила лиана.

Везение на двести баллов из ста возможных. Таня передёрнула плечами:

– Давайте уже начинать.

Остальные были её подчинёнными, но пусть какой-нибудь Айосса через каждое слово орёт «это приказ». Эти люди её если не друзья, то хорошие приятели. Они прикрывали друг друга не раз и не два. Обжора – ещё ерунда, например, по сравнению с ледяным безымянным миром системы Беты Малой Медведицы.

Таня попыталась вспомнить, слышала ли что-то о той планете после вылазки или нет. Проблема не в холоде, а в кислороде и воде: лёд был железным по большей части, плюс водородные настилы. От отчаяния и нехватки подходящих миров пытались терраформировать даже мёртвые помойки, обычно Вселенский Совет только тратил несметные ресурсы. А тут – идеальная земная атмосфера с водой и зеленью.

Короче, у паразитов с Обжоры ни единого шанса.

– Так точно, – почти одновременно откликнулись Дже и Рэнди. Престон и Зыков переглянулись: мол, а нам-то что делать. Престон ещё раз почесал шею и скулу перед тем, как потянуться к бластеру. Таня его прекрасно понимала. Она тоже сняла оружие с предохранителя.

Планета лежала всего в нескольких километрах под «Альбатросом». Защитные костюмы спасут их от всего.

«Просто отравите проклятых крабов и всё».

– Готовность: нуль, – сказала Таня.

* * *

«Пушку», похожую на внебрачное дитя катапульты и гранатомёта, Таня проверила раз десять до операции. Не хватало ещё, чтобы граната застряла по пути, может, дым и нетоксичен для млекопитающих, только проверять не хотелось. Всё сработало идеально: снаряды поместили в грузочный отсек, «пташка» открыла «клюв» – дуло находилось как раз в носовой части «Альбатроса» – и оторвала уже сдетонированную гранату. В атмосфере Обжоры рассеялся ярко-синий, до рези в глазах, газ. Потоки воздуха разносили его, а электрическая синева по-прежнему мерцала, заставляя думать о грозах и молниях. Вроде альбатросы любили бурю и носились с дикими воплями над морем, провозглашая её? Или это была какая-то другая земная птица?

– Операция «Чистка» начата успешно, – доложила Дже. Рэнди снова тыкнул в несколько подсвеченных на вирткарте точек. Туда им следовало направиться дальше, как раз часа за три-четыре управятся, распылят полную партию, а к вечеру можно будет направить дрон взять пробы, удостовериться: больше никаких прозрачных крабов-паразитов.

– Скучища, – прокомментировал Зыков, а Престон закурил бездымную сигарету, задумчиво кивнул:

– Первый раз было веселее. И честнее как-то.

Таня ответила им быстрым взглядом.

Ей тоже не нравились ни бомбы, ни «Чистка». Она бы предпочла выйти против этих же крабов с бластером или огнемётом, хотя и понимала: ничего глупее представить невозможно. Просто местная живность, паразитарная форма. Как те же лианы или колючки. Всё на Обжоре стремится тебя сожрать, крабы просто оказались опаснее...

«И всё же почему «ДатаГен» хотят уничтожить именно их в первую очередь?»

Беднягу Дорси жалко, но вряд ли одна смерть космодесантника подняла бы махину корпорации на священный поход. К которому очень хорошо подготовились.

– Вторая точка, – сообщил Рэнди.

– Есть вторая точка.

Дже запустила новую иллюминацию, мерцающую как живая молния без единой грозовой тучи.

Третья отметка оказалась над местным океаном. Таня смотрела в иллюминатор: волны золотисто и лениво поблёскивали под солнцем, на гребнях чуть топорщились белые барашки. Океан был мельче земных, на Обжоре их было девять – воды хватало, солёной и пресной.

– Наверное, там тоже какие-нибудь крабы.

Она уточнила:

– В смысле, не паразиты. Просто крабы. На Земле их вроде ели.

– Ага, – поддержал Зыков. – Мне как-то паёк попался «со вкусом краба». Правда, я его от просто «морского» не отличил.

Вновь воцарилась долгая пауза. Синий газ разметало быстрее, чем на первых двух точках, – ветер над океаном ничего не сдерживало, и он охотно играл с рукотворной «грозой». Идиллическая картина не изменилась.

– Давайте уже быстрее заканчивать, – сказала Таня. – Рэнди, что у тебя там?

Тот лишь ткнул в следующую отметку. И ещё.

В конце концов осталась последняя. Почему-то Таня ожидала, что она очутится на полюсе: на Обжоре полюса были холодными, но не слишком заледеневшими; планета переживала расцвет тёплого периода, примерно сравнимого с земным Юрским, судя по климатическому анализу. Точка оказалась прямо над низкорослым лесом.

– По-моему, мы сюда и прилетели прошлый раз, – предположила она. Престон затаился сигаретой и кивнул.

– Да, символично.

– Точно, – Зыков тоже закурил. – Давай, Дже. Отомсти за Нила. Он, конечно, тем ещё иногда говнюком был и должен мне тыщу кредитов, но никто не заслужил, чтобы его заживо сожрали вонючие крабы.

Таня почему-то промолчала. Синева заполнила атмосферу, и Таня уже открыла рот, чтобы отдать приказ возвращаться на «Кинир», когда Рэнди крикнул:

– Эй, что там?! Смотрите, это ещё что за...

Он не договорил. Карта словно загорелась, виртуальное отображение фиксировало малейшие изменения. Сейчас она светилась мириадами точек. Таня бросилась к иллюминатору и отпрянула: синева стала вязкой, как кисель. «Альбатрос» завяз в чем-то похожем на липкий клей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.